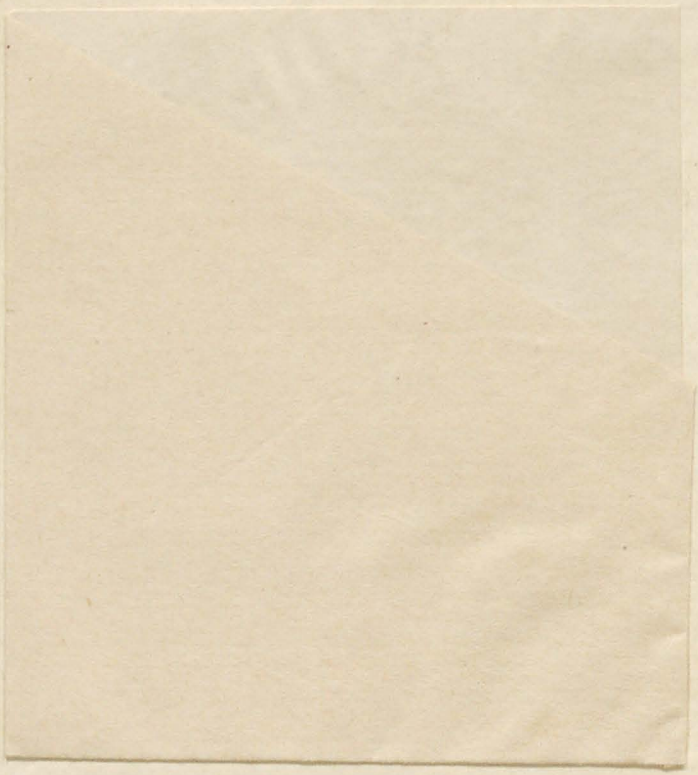
B 19/726



Безплатное приложеніе къ «Поч. Лист.» № 30 за 1912 г.

Библ. Волын. С. Р. Н. № 15.

ИНОЧЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

Е. де-Витте.

Почаевъ.
Типографія Почаево-Успенской Лавры.
1912 г.

В 19
126

КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

Е. де-Витте.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-27756
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

ПОЧАЕВЪ.
Типографія Почаево-Успенской Лавры.
1912 г.

Св. Петръ закладываетъ Успенскій Соборъ въ Москвѣ.

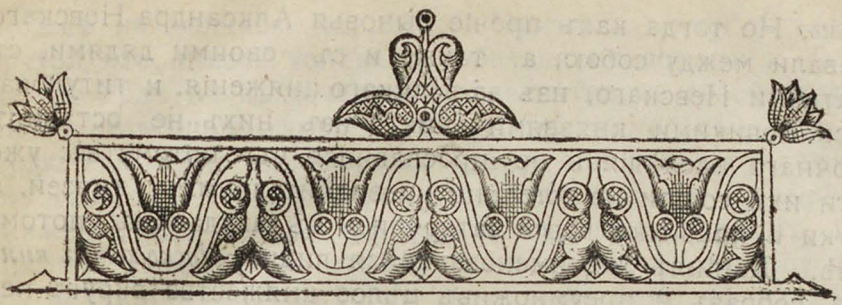
2015077181

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
3							с 169.	8

16/1—100000

924.



КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

Какъ во времена еще Ярослава Мудраго первенство перешло къ младшему изъ его наслѣдниковъ, къ Мономахову отцу, правому и кроткому Всеволоду, и какъ это повторилось при наслѣдникахъ самаго Владиміра Мономаха, когда изъ всѣхъ его сыновей возвысился младшій, Юрій Долгорукій, а старшее колѣно отошло въ сторону,—то же повторилось напослѣдокъ и въ роду Мономаха—послѣ Александра Невскаго. Даніилъ, младшій сынъ святаго князя, остался по смерти отца двухлѣтнимъ сиротою; и жребій меньшаго превысилъ жребій старшихъ. Одинъ Даніилъ изъ всей братіи унаслѣдовалъ, можно бы сказать, святую добродѣтель отца своего: на него и перешла родительская слава. „Святый князь—не было ему другого имени въ народѣ, полюбившемъ его мирное и кроткое житіе». «Святый Даніилъ» —такая именно память и удержалась объ этомъ младшемъ сынѣ Невскаго изъ рода въ родѣ.

Слава его имени, такимъ образомъ, не въ громкомъ титулѣ и не въ громкихъ подвигахъ—все княженіе Даніила прошло тихо и незамѣтно, а въ томъ, что именно ему, меньшему, выпала честь поддержать доблестную память своихъ предковъ: да прославятся они въ отдаленнѣйшихъ потомкахъ. Слава его имени заключается еще и въ имени Москвы, которую онъ какъ младшій, получилъ въ младшій удѣлъ, и скоро младшій превысилъ славою старѣйшіе престолы Русской земли: владимірскій, кіевскій и новгородскій.

О Даніилѣ должно замѣтить, что онъ не былъ Великимъ княземъ или, по татарскому выраженію, *главою*

всѣмъ. Но тогда какъ прочіе сыновья Алксандра Невскаго воевали между собою, а также и съ своими дядями, съ братьями Невскаго, изъ за великаго княженія, и титуловались Великими князьями—никто изъ нихъ не оставилъ прочнаго наслѣдія и не прославился въ потомствѣ: уже дѣти ихъ сошли на степень незначительныхъ князей, а внуки и правнуки вовсе затерялись въ захудаломъ потомствѣ. Даніилъ же, именовавшійся лишь *Московскимъ княземъ*, собравъ и преумноживъ цѣлое княжество вкругъ незначительнаго города своего, скопилъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое доброе наслѣдіе для своихъ потомковъ, что не только внуки и правнуки, а еще и дѣти ихъ именовались уже «Великими князьями всея Руси»; ихъ же стольный городъ, Москва, возвысился на череду первопрестольной Русской столицы.

Два дѣла стали очевидны для всѣхъ на Руси за то время, какъ она страдала подъ монгольскимъ игомъ. Первое: что настоящимъ обладателемъ и повелителемъ Русской земли сдѣлался ханъ татарскій, царь—какъ его прямо и звали въ народѣ. Второе: Золотая Орда, его ханское становище на берегахъ Волги, и сдѣлалась тогда на всю Русскую землю тѣмъ „царствующимъ градомъ“, откуда на всю Русь ставились князья, исходили приказы и повелѣнія, гнѣвъ и милость. Не стало больше у русскаго народа собственнаго распорядителя древне-рускими областями, древне-чтимаго Великаго князя, ни своей собственной столицы. Еще Ярославъ Всеволодовичъ и его сынъ, Александръ Невскій, могли еще въ свое время не безъ основанія носить по-старинѣ титулъ «Великаго князя Кіевскаго и Владимірскаго»; но ихъ преемникамъ уже и вовсе не приходилось мѣстничаться между собой—ни по старшинству городовъ, ни по собственному родословію.

Ханъ тогда все, что хотѣлъ, дѣлалъ въ порабощенной Русской землѣ; воля царя татарскаго для его подданныхъ была безпрекословнымъ закономъ. Ханъ былъ воленъ назначать „главою всѣмъ“ кого угодно. Ханъ и назначалъ „главою князей“ дѣйствительно тѣхъ, которые ему больше угодили: кто чаще ѣздилъ въ Орду съ поклономъ и дарами, кто казался преданнѣй и служилъ усерднѣй, кто ему ниже кланялся и чьи дары были больше. Младшій князь, если только угодилъ хану, могъ сейчасъ же получить

ярлыкъ на великое княженіе. Притомъ, если тотъ или другой изъ князей успѣвалъ добиться поклонами и дарами въ Ордѣ не въ очередь главенства въ своей братіи, ничто не мѣшало любому изъ нихъ также съѣздить въ Орду, еще ниже поклониться хану, еще больше услужить ему дарами и также выхлопотать себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Его назначали въ такомъ случаѣ новымъ Великимъ княземъ въ отмѣну перваго; а то даже пускай оба велико-княжатъ вмѣстѣ—два соперника въ одно время. Въ Ордѣ татары говорили прямо наѣзжавшимъ князьямъ: „ежели дашь выходъ большій, тебѣ мы и дадимъ великокняженье". Прошло не много времени послѣ Батыя, а о такой продажности въ Ордѣ уже было общеизвѣстно: «князем же, бывшимъ въ Ордѣ, яко кійждо хотяше великое княженье улучити, дающе дары многи хану, ханшемъ княземъ Ордынскимъ, тіи елико емлюще толико болѣе нужно было другаго жилаху».

Ясно, такимъ образомъ, что князю—для того, чтобы быть „главою всѣмъ"—приходилось теперь не старшимъ быть по родословію, а быть богатымъ и сильнымъ пуще всей братіи. Только въ тѣхъ рукахъ былъ силенъ и ярлыкъ ханскій, въ чьихъ рукахъ кромѣ того заключалась власть, силы и богатства. Значитъ, по тѣмъ суровымъ и темнымъ татарскимъ временамъ, первымъ главнымъ правиломъ всякаго благоразумнаго князя было: не выдаваться впередъ со своими счетами старшинства, которое уже никакихъ дѣйствительныхъ правъ не давало,—а захорониться въ собственномъ удѣлѣ, собирать и промышлять къ нему окружныя земли, исподоволь и втихомолку забираться силою, копить казну и всякое богатство, чтобы при удобномъ случаѣ и благопріятныхъ обстоятельствахъ,—если и выступить „ главою всѣмъ", то уже по праву могущества не на словахъ, а на дѣлѣ, явившись для всѣхъ безспорной силой. Таковъ былъ, можно сказать, отъ начала ходъ и успѣхъ самаго Владимірскаго княженія: если оно въ свое время возвысилось надъ всѣми прочими и стало первымъ, такъ потому, именно, что на самомъ дѣлѣ оказалось могущественнѣе прочихъ: ибо туда напослѣдокъ переходитъ и самый титулъ, гдѣ сила.

Но точно также для того, чтобы стать на дѣлѣ такимъ сильнымъ и богатымъ княземъ,—не предстояло уже

и надобности лѣзть въ драку со всею братьею и брать съ боя «главенство» того или другого престола: ни которой столицѣ такое главенство само по себѣ уже въ дѣйствительности не принадлежало. Отъ Кіева все еще оставались однѣ лишь развалины, большую часть разрушеннаго города покрывалъ мусоръ: тамъ же въ при-Днѣпровьѣ татарамъ было и привольно распространять свои кочевья. Которые города краше другихъ красовались въ древней до-татарской Руси—тѣ въ лютое Батыево плѣненіе и подвергшись наиболѣе жестокому погрому. Стольный Владиміръ такъ же при татарскомъ нашествіи потерпѣлъ болѣе прочихъ городовъ. Если въ Батыево время къ кіевскимъ развалинамъ страшно было даже и подступать,—немногимъ веселѣе того было во Владимірѣ. Хотя Ярославъ Всеволодовичъ и Александръ Невскій погребены были въ великокняжеской столицѣ, но жили и они уже большей частью не въ ней, а то въ Новгородѣ, то въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. А слѣдовавшіе за ними Великіе князья не только не жили, а болѣе уже и не погребались во Владимірѣ: кто въ Твери, кто въ Костромѣ, въ Городѣ или въ Переяславлѣ же.

Сами духовные владыки Русской Земли (Кіевскіе и всея Руси) не находили тогда больше прибѣжища для митрополіи своей. Прославленный миротворецъ князей и проповѣдникъ всеобщаго покаянія о приключившихся бѣдствіяхъ, тогдашній митрополитъ Кириллъ оставилъ опустошенную и обращенную въ степь Кіевскую область и перешелъ на сѣверъ, куда потянула и вся русская исторія съ тѣхъ поръ. Но ни онъ, ни его ближайшій преемникъ (Максимъ) еще не остановили своего выбора ни на одномъ изъ тамошнихъ городовъ; они переходили съ мѣста на мѣсто, обозрѣвая всю епархію, и только приглядывались, еще искали...

Итакъ, всякій даже меньшій князь могъ сдѣлаться «главою всѣхъ», лишь бы на самомъ дѣлѣ явился могущественнѣе и сильнѣе прочихъ князей,—и не непремѣнно изъ Владиміра надлежало явиться такому князю. А нужно было найтись между ними доброму рачительному хозяину, который, забывъ старинные счеты по родословію, мало бы и вмѣшивался въ раздоры князей за оспариваемый другъ у друга великокняжескій титулъ, а забирался

бы втихомолку, силой собиралъ и пріумножалъ свое наслѣдіе въ мирѣ и тишинѣ. Надо было найтись и такому городу, который могъ бы, какъ къ сердцу, притянуть къ себѣ народонаселенія прочихъ окружныхъ областей, напрасно терпѣвшихъ кровопролитіе и раззореніе отъ старинныхъ княжескихъ счетовъ: народонаселенія городовъ всего Владимірскаго княженія, привыкшія къ единодержавію еще со временъ основателя своего Юрія Долгорукаго, далѣе—Андрея Боголюбскаго и напослѣдокъ—Всеволода Большое Гнѣздо. Къ тому же за старинными городами, Ростовомъ и Суздалемъ, и даже за самимъ Владиміромъ, утвердились преданія еще той прошлой великокняжеской старины, которыя по новонаступившимъ временамъ уже болѣе не годились. Каждый изъ такихъ прежнихъ городовъ, не забывая своего прошлаго первенства во время оно, искалъ возвратить его себѣ по прошлой старинѣ лишь въ собственное возвышеніе и въ ущербъ прочимъ; благо *всей Руси* ни у одного изъ нихъ и въ задачу не входило; каждый, можно сказать, норовилъ своему мѣсту —не въ увеличенье, а въ умаленье остальной Руси. Притомъ каждый изъ тѣхъ городовъ—при тогдашнемъ ихъ раздробленіи между размножившимися князьями—успѣлъ уже въ то время, оттолкнувшись отъ прочихъ, заминуться особо: обратиться въ удѣлъ особый. Если Владиміръ и продолжалъ еще нѣкоторое время слыть стольнымъ городамъ, то можно сказать, онъ уже обратился, какъ нѣкогда Кіевъ, въ столицу безъ городовъ; цѣлыя области вокругъ него были розланы въ удѣлъ,—нѣкоторымъ князьямъ были уже выдѣлены и одиночные города. Между старшими князьями въ ихъ старшихъ городахъ крѣпче держались притомъ и старинные счеты: примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ и прокладывать новые пути,—такъ повелось въ Русской исторій издревле—удѣлъ меньшихъ. По выдѣленіи почти всѣхъ городовъ Владимірскаго княженья въ отдѣльныя колѣна и поколѣнія размножившагося за это время рода Всеволода Большое Гнѣздо, не всякій изъ ближайшихъ преемниковъ Ярослава Всеволодовича и Александра Невскаго могъ явиться такимъ собирателемъ всей Руси. Попытки къ тому могли быть не у одного изъ князей, а даже у нѣсколькихъ; но осилить всѣхъ на послѣдокъ долженъ былъ непремѣнно кто-нибудь одинъ.

Именно московскій князь Даніилъ Александровичъ—какъ вскорѣ показали послѣдствія—оказался однимъ изъ такихъ „потребныхъ для своего времени“ благоразумныхъ князей; а его *Москва* прослыла такимъ именно городомъ, откуда и вышли „собиратели всея Руси“.

Москва изъ всѣхъ тогдашнихъ городовъ и ея князь Даніилъ изо-всѣхъ тогдашнихъ князей и выдаются съ тѣхъ поръ на первое—никому еще, впрочемъ, и не видное до тѣхъ поръ—главное мѣсто: тихо и незримо совершался такой переходъ. Прочіе князья, собственно говоря, занимаютъ болѣе видное мѣсто,—и, судя по наружному виду, ихъ дѣла громче. Но всѣ ихъ княжескія дѣянія за то время (развѣ только кромѣ войнъ съ внѣшними врагами), всѣ ихъ тогдашнія распри изъ-за престоловъ и войны, которыя они вели другъ противъ друга съ помощью татаръ, —не только не заслуживаютъ болѣе наименованія „княженій“, но даже и такъ называемой „борьбы“. Всѣ эти ихъ походы одного противъ другого по городамъ одного и тогоже Владимірскаго княжества, изначала сложившагося воедино и отличавшагося цѣльностью своею—больше не имѣютъ значенья, не заслуживаютъ и памяти въ потомствѣ. Собственно говоря; не стоили бы даже и помину: если же и требуется указать на нихъ въ общихъ и главныхъ чертахъ, то именно лишь въ образецъ тогдашняго безнарядья.

Смутная эпоха, послѣдовавшая за кончиной Александра Невскаго, сводится, такимъ образомъ, къ одному главному и существенному событію, совершившемуся тогда на Руси. Это—при всеобшемъ ея разрывѣ на мелкія разрозненыя части—начало «собирательницы русской зѣмли» Москвы: усиленіе въ прокъ младшаго удѣла, унаслѣдованнаго меньшимъ сыномъ Невскаго; основаніе Даніиломъ Александровичемъ Московскаго княженія. Другого болѣе важнаго событія, за все это время или даже равнаго съ нимъ нѣтъ ни одного. Важность наступившей эпохи заключается именно въ этомъ *).

Какъ только завелось при Юріи Долгорукомъ великое княженье Владимірское, положено было начало и

*) Тамъ же стр. 152—158.

Москвѣ. И все, что можно было указать въ отличіе Владиміра, новой великокняжеской столицы, противъ старинныхъ городовъ Суздаля и Ростова, еще въ большей мѣрѣ прилагается къ самой Москвѣ.

Отличіе новаго Владимірскаго княжества отъ прочихъ, сложившихся издревле, заключалось прежде всего въ томъ, что тутъ не было изначала отдѣльныхъ родовъ—племенъ славянскихъ, которые бы сидѣли сами по себѣ, отъ другихъ особо. Владимірское княжество заселилось пришлымъ со всѣхъ сторонъ людомъ и обстроилось городами въ то историческое время, когда изъ разнообразнаго множества славянскихъ племенъ составился уже *одинъ народъ русскій.* Изначала, такимъ образомъ, здѣсь было мѣсто *всей Руси;* съ того и началась здѣшняя слава; тѣмъ болѣе это должно повторить о самой Москвѣ. Младшая и юнѣйшая изъ областей, подвластныхъ Юрію, она и сложилась въ благоустроенный удѣлъ позднѣе всѣхъ прочихъ, уже въ то время, когда наслѣдіе Долгорукаго упрочилось его преемниками въ сильную державу. Если принадлежавшіе имъ многочисленные города, подходившіе на сѣверѣ къ новгородскимъ владѣніямъ, на столько уже слились своимъ бытомъ со стольнымъ городомъ Владиміромъ, что болѣе не признавали былого первенства Суздаля и Ростова; если уже при Всеволодѣ Большое Гнѣздо слыли они за ту «Великую Русь», передъ коей надлежало смириться не только стародавнимъ новгородскимъ выселкамъ, Суздалю и Ростову, но даже и ихъ господину Великому Новгороду, то это самое именованіе «Великая Русь» преимущественно утвердилось именно за Москвою, составлявшею пригородъ самого Владиміра. Титулъ «Великая Русь» —вообще должно замѣтить—тогда только и утвердился окончательно за всею серединною частью Русской земли, когда Москва вошла въ силу. Если суздальцы и ростовцы (въ лицѣ крамольныхъ бояръ, послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго) и позволяли себѣ еще звать стольный городъ Владиміръ своимъ пригородомъ, то эти же „старинные властники, гордые вольники, обидящіе меньшихъ и работящихъ сиротъ", никоимъ образомъ уже не могли бы назвать юнѣйшую столицу „своею боярской" Москвою. Это былъ, напротивъ того, прямо *княжій городъ*, воздвигнутый еще самимъ Юріемъ,—имъ, всѣмъ боярамъ,

на память. Преданье объ этомъ княжьемъ городѣ въ томъ и состояло изначала, что великій князь Владимірскій поставилъ его вмѣсто боярскихъ силъ и слободъ, а *беззаконнаго* ихъ захватчика, хищника княжескихъ правъ, казнилъ на мѣстѣ.

Другое отличіе Владимірскаго княжества заключалось въ томъ, что тутъ съ самаго начала княжеская власть повелась твердо и неколебимо. Уже самъ Юрій Долгорукій, а еще больше Андрей Боголюбскій вовсе перевели тѣ боярско-дружинные порядки, которые въ прочихъ княжествахъ напоминали старину еще варяжскихъ временъ. Отстаиваніе боярами выгодной для нихъ старины, ихъ борьба за ихъ исключительныя права и преимущества—здѣсь уже имѣли видъ такой крамолы, противъ которой вооружался самъ народъ и въ защиту «прирожденнаго князя» поднимался поголовно. Единоличная власть князя, такимъ образомъ, выступила тутъ въ полной силѣ,—и самъ народъ торопилъ ея желанный переходъ во власть государеву. Съ помощью, именно, всенароднаго множества одолѣвъ гордыхъ и сильныхъ вольниковъ, князь Всеволодъ Большое-Гнѣздо, положилъ конецъ боярскимъ притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ утвердившемся по волѣ народа самодержавіемъ князя. Тѣмъ и заслужилъ онъ всенародную любовь, что ни одна изъ его областей не управлялась при немъ боярами заглазно; ни одной изъ нихъ онъ имъ въ намѣстничество не отдавалъ,—а всюду сажалъ вѣрныхъ княжескихъ слугъ и правителей, тіуновъ своихъ; самъ же по-осени разъѣзжалъ съ семействомъ и приближеннымъ дворомъ своимъ—чинить судъ и правду «всѣмъ людямъ». Хотя дворянство, разсѣянное по областямъ и награждаемое помѣстьями либо раздачею земель для заселенія, разумѣется, какъ служилое сословіе, напоминало собою *«дружинниковъ»*, а ближніе во дворѣ князя слыли даже за «бояръ», но эти новые *служилые люди* отличались уже отъ старинныхъ соплеменниковъ кореннымъ образомъ. Подобно тому, какъ всякій изъ Владимірскихъ державцевъ былъ тутъ у себя дома *княземъ-вотчинникомъ*, свой своему краю,—а не глядѣлъ на сторону, такъ и образовавшееся при нихъ дворянство было здѣсь у каждой мѣстности—свое: укоренилось и оно своему мѣсту, и не искало лучшаго. Это были такіе же подчиненные Вла-

димірскаго державца, какъ и все прочее коренное населеніе. Уже въ ихъ собственномъ разсчетѣ и въ ихъ личныхъ выгодахъ было теперь, зэ-одно съ окружавшимъ ихъ народомъ, служить къ усиленію своей родины и своего «прирожденнаго князя», то-есть не рознить съ землею, а быть земствомъ.

Такъ во Владимірскомъ княжествѣ сложилось именно «земское устроеніе», и повелось «земское дѣло». Ибо, какъ не могло и быть иначе при усиленіи власти Владимірскихъ князей тутъ *земское дѣло* болѣе не отдѣлялось отъ *государева*; земское и государево дѣло было одно. Въ древнихъ княжествахъ—кіевскомъ, черниговскомъ и прочихъ—«земскіе полки», напримѣръ, прямо противополагались «княжіимъ»; если въ тамошнихъ земляхъ и упоминалось про «земскій строй», то именно въ отличіе его отъ *князя съ дружиной*, при чемъ какъ-то предполагалось еще само собою, что одно съ другимъ состояло въ неизбѣжномъ противоположеніи. Ничего подобнаго во Владимірскомъ княжествѣ не было отъ начала. Тутъ вся масса темныхъ людей, которые грамотѣ не умѣли и не стаивали у княжіихъ дѣлъ—обще со всѣми же тѣми, которые грамотѣ умѣли „къ дѣлу годились», включительно до самаго верху съ самимъ княземъ—весь народъ, однимъ словомъ, былъ едино. Какъ по земскимъ и княжіимъ полкамъ, такъ и вообще по «княжескимъ» и «земскимъ» дѣламъ--во Владимірскомъ княжествѣ не было раздвоенія, а было одно *«государство—земское дѣло»*. Всѣ, отъ мала до велика—чернецы, бѣльцы, міряне, ратные люди и не владѣвшіе мечемъ—отъ *дѣлавшихъ нивы свои* до производившихъ торговлю, до образовавшагося по всѣмъ мѣстамъ служилаго сословія и до верхушки всего народа, князя самодержца,—весь народъ, однимъ словомъ, былъ тутъ въ неразрывномъ единствѣ и составлялъ плотную силу такова была великая Русь! Когда, напримѣръ, Всеволодъ Большое Гнѣздо, подъ конецъ жизни, встрѣтилъ сопротивленіе своимъ государственнымъ видамъ со стороны старшаго сына, Константина, и смущался постановить грозное рѣшеніе о престолонаслѣдіи, онъ обратился за его утвержденіемъ „что всѣмъ людямъ и хотѣлъ на томъ утвердиться мнѣніемъ всей земли. Не бояръ собралъ онъ на

совѣтъ по такому великому, всей земли касавшемуся дѣлу,—и не однимъ только приближеннѣйшимъ изъ нихъ открылъ свою государеву думу и волю, но «созва всѣхъ бояръ своихъ съ *городовъ* и *волостей*, и попы, и купцы, и *всь люди*»: земскій сборъ такимъ образомъ былъ полный. Такое единеніе князя съ народомъ и безусловная, всеобщая, крестнымъ цѣлованіемъ подтвержденная, преданность всего народонаселенія своему прирожденному князю *на дѣтяхъ и на внукахъ его* составляли залогъ будущаго величія и могущества—особенное отличіе «Великой Руси», какъ уже и звались тогда народонаселенія Владимірскаго княжества во всей ихъ совокупности и въ ихъ общей цѣльности.

Но не Суздалю и не Ростову, гдѣ по связямъ еще съ Новгородомъ и со стариною варяжскихъ временъ издавна гнѣздился старинный духъ боярскій,—не старымъ городамъ принадлежало первенство въ этомъ отношеніи, а новообразовавшимся въ Владимірскомъ княжествѣ и всего болѣе самымъ позднѣйшимъ изъ нихъ. Ибо и это зависило въ свою очередь отъ общаго успѣха, не вдругъ достигнутаго Владимірскими державцами, а постепенно—уже послѣ преобразованія такими князьями, какъ Всеволодъ Большое Гнѣздо, Ярославъ Всеволодовичъ и Александръ Невскій—старинныхъ упорно-боярскихъ городовъ, какъ Ростовъ и Суздаль.

Вначалѣ, пока во Владимірскомъ княжествѣ только еще заводился новый земскій строй въ отмѣну старинныхъ боярско-дружинныхъ порядковъ, тѣснимые и изгоняемые дружинники всячески тому сопротивлялись, жаловались на грозное самовластіе тіуновъ и слугъ княжіихъ; они старались возбудить неудовольствіе противъ нихъ въ самомъ народѣ. Составились между ними за то время злобныя поговорки и прибаутки: «не имѣй села близъ княжа села, не держи двора близъ княжа двора» и тому подобныя. Въ то время никто изъ старинныхъ вольниковъ не мирился еще съ заводимыми тутъ порядками и многіе разбѣгались изъ владѣній Юрія Долгорукаго,—всѣ они въ то время легко добывали себѣ еще и сами дѣтей боярскихъ, отроковъ и слугъ въ свои собственныя боярскія дружины. Вскорѣ послѣ того ужъ было не то:

во-первыхъ, выбыли они и сами изъ преобразившихся Юрьевыхъ владѣній; а во-вторыхъ, не могли тутъ больше находить и сподручныхъ людей въ удовлетвореніе своему «преимущественному» быту: охотниковъ поступать къ нимъ въ услуженіе ужъ не было кругомъ. Современники Всеволода Большое Гнѣздо обращались къ князю уже вотъ съ какими рѣчами: «Княже мой, господине! лучше мнѣ видѣть ноги своя въ лычницѣ въ дому твоемъ, нежели въ червленѣ сапозѣ въ боярскомъ дворѣ; лучше бы ми тобѣ въ дерюзѣ служити, нежели въ багранице въ боярскомъ дворѣ». Такъ измѣнились нравы.

Хотя въ самомъ Суздалѣ и въ самомъ Ростовѣ и долго отзывались еще боярскіе укоренившіеся распорядки, но въ новѣйшихъ, позднѣе образовавшихся княжествахъ—Москва, Переяславль — вовсе не было тому мѣста. Духъ здѣшнихъ населеній, прямо сказать, былъ земскій. Еще въ самый разгаръ борьбы съ боярскою крамолой, когда она во всю силу бушевала въ Суздалѣ и Ростовѣ, уже все Переяславское земство—тамошніе дворяне и народъ—держали сторону «прирожденныхъ князей», родныхъ братьевъ Боголюбскаго, и, въ отпоръ боярскому кову, направленному противъ «Михалка и Всеволодка», цѣловали имъ крестъ «на дѣтяхъ и внукахъ». Также точно и Москва держалась за нихъ именно, за прямыхъ своихъ вотчиниковъ, служила имъ въ ту смутную пору вѣрнымъ убѣжищемъ и отстаивала ихъ всѣмъ же земствомъ единодушно противъ призванныхъ крамольниками князей-изгоевъ. Но Переяславль-Залѣсскій, сравнительно съ Москвою, былъ также удѣлъ старый. Устроенный и населенный издавна, онъ представлялъ собою уже вполнѣ округлившееся и законченное владѣніе еще во времена Всеволода, Москва же пополнилась селами и народонаселеніемъ уже при его дальнѣйшихъ потомкахъ и выросла въ мѣру особаго удѣла не раньше временъ Александра Невскаго: тамошнее земство еще болѣе противъ всѣхъ прочихъ городовъ, слагалось и крѣпло въ духѣ устанавливавшихся Владимірскихъ преданій.

Такимъ образомъ, и эта особенность «Великой Руси» —полное единеніе князя съ народомъ и преданность народонаселенія водворившемуся княжескому дому,—со-

ставляя принадлежность Владимірскаго княженія вообще, можно сказать, составляли принадлежность Москвы по преимуществу. Стойкое, трудолюбивое и миролюбивое ея населеніе, обрадованное имѣть своего собственнаго «прирожденнаго князя» въ лицѣ младшаго сына Невскаго, Даніила, было предано ему единодушно: для Москвы это былъ еще первый князь—вотчинникъ, получившій ее *въ родъ свой*. Что самъ онъ былъ любимъ у себя въ вотчинѣ и слюбился съ нею—доказывается уже тѣмъ, что до конца остался съ ней неразлученъ. Получивъ даже и такой, для всѣхъ прочихъ князей завиднѣйшій удѣлъ, какимъ почитался въ то время Переяславль-Залѣсскій, Даніилъ не захотѣлъ разстаться съ собственной столицей. Москва была ему *своя* отъ младенчества—полагая, что онъ былъ переведенъ сюда по кончинѣ отца,—и во всякомъ случаѣ,—отъ ранней юности, если даже считать, что старшій его братъ, Димитрій, сдѣлавшись великимъ княземъ въ 1276 году, тогда именно и передалъ этотъ удѣлъ меньшему брату. А что въ вотчинѣ Даніила, за добрымъ княземъ, жить его людямъ было хорошо — доказательствомъ тому служитъ тотъ единодушный порывъ, съ которымъ все Переяславское земство само примкнуло къ московскому княжеству Даніила, и никого не хотѣло кромѣ его, и твердо стояло на этомъ.

Кромѣ всего сказаннаго, Владимірская область изначала,—еще во времена своего возвеличенія при Юріѣ Долгорукомъ,—манила къ себѣ постоянно новыхъ переселенцевъ, и они со всѣхъ сторонъ стекались въ нее во множествѣ съ особенною охотой потому именно, что тутъ было полное затишье отъ смутъ, происходившихъ тогда на всемъ сѣверѣ и на всемъ югѣ. Но и эта счастливая особенность—быть скромнымъ и мирнымъ уголкомъ, о которомъ тогда еще и не слыхать было на Руси—теперь въ цѣломъ же Владимірскомъ княженіи выпала на долю именно лишь Москвѣ, гдѣ тихо и—можно сказать—незримо для исторіи княжилъ Даніилъ Александровичъ.

«Тамъ покойнѣе есть», говорили про Владимірскую область при Юріѣ Долгорукомъ. Но когда, окровавленная смутами, послѣдовавшими за кончиной Андрея Бого-

любскаго, и только что было залѣчившая раны многолѣтнимъ благоденствіемъ при Всеволодѣ, она впослѣдствіи замутилась еще междоусобіями, кончившимися Липецкимъ боемъ,—не стало прежней тишины на берегахъ Клязьмы. Когда же, въ довершеніе всего, татарское разореніе постигло Владиміръ, и онъ обратился потомъ въ средоточіе неунимавшихся изъ-за него княжескихъ раздоровъ и повторявшихся отъ времени до времени татарскихъ вторженій,—къ тому же Новгородъ, тѣснѣе сливъ свою судьбу съ Владиміромъ, непрестанно уже удручалъ его собственными раздорами, а еще и Литва сюда участила свои набѣги,—Владимірская область окончательно утратила покой и тишину, чѣмъ добрѣ славилась прежде. Нѣкогда мирные берега Клязьмы уступили мѣсто болѣе мирнымъ за это время берегамъ Москвы—рѣки. «Тамъ покойнѣе есть , прибытковъ и всякаго довольства ежегодно умножается», говорили теперь уже про владѣнія Даніила Александровича. Захоронясь въ глуши, обильной непроходимыми лѣсами, въ которыхъ путались и не находили дорогъ сами старожилы здѣшнихъ мѣстъ, —оно было богато и различными угодьями, удобными для промысловъ и прибытковъ. Новоселы тутъ садились охотно, помѣстья и усадьбы множились, какъ нигдѣ, села поспѣвали одни за другими, умножались и церкви, возникали монастыри. Татарское нашествіе, правда, не пощадило и московскихъ мѣстъ; тѣмъ не менѣе, однако, сама-ихъ укромность и незасиженность противъ старѣйшихъ волостей и городовъ Владимірской области служила имъ защитой: московскія мѣста, сравнительно, менѣе прочихъ пострадали въ лютое Батыево плѣненіе. Правда и то, что еще до татаръ, напримѣръ, рязанскіе князья не одинъ разъ нападали на беззащитныя подмосковныя села; но эти набѣги не могли и равняться съ тѣми опустошеніями, которыя производились во время войнъ рязанскаго Глѣба съ Всеволодомъ —подъ самымъ Владиміромъ, Суздалемъ и Ростовомъ. Въ пользу и въ защиту тогдашней Москвы служило и то самое, что въ полуденную отъ нея сторону на Серпуховъ къ Окѣ—мѣста еще были дики и пустынны; смыкались тамъ съ глухою стороной древнихъ вятичей, куда почти и не заглядывали татары. А на западъ, къ

Смоленску въ лютое Батыево плѣненіе, татарскія полчища вовсе не заходили: тому краю посчастливилось избѣгнуть Монгольскаго ига. Коротко сказать, въ смутныя и безъурядныя времена, наступившія по кончинѣ Александра Невскаго, когда распавшееся на части великое княжество Владимірское изъ края въ край подвергалось кровопролитію и раздорамъ, — одинъ только укромный уголокъ, составлявшій владѣніе Даніила Александровича, захоронился въ тиши и росъ въ тихомолку.

Все время княженія Даніила Александровича въ Москвѣ прошло въ мирѣ и тишинѣ, ибо какихъ-либо внутреннихъ смутъ вовсе не было у него въ княжествѣ. Поддерживаемый всенародною любовью и преданностью здѣшняго народонаселенія, а уже не мечемъ высившихся надъ нимъ дружинниковъ,—здѣшній князь не имѣлъ надобности въ то же время прибѣгать и къ какой-либо борьбѣ съ «большими людьми» здѣшняго населенія: въ нихъ главнымъ образомъ и имѣлъ теперь заботившихся о богатѣніи здѣшняго края вѣрныхъ слугъ своихъ,— можно сказать: печальниковъ о пользѣ и нуждахъ самаго мѣстнаго населенія. Сами вотчинники изъ здѣшнихъ «дворянъ» —включительно съ главными изъ нихъ, которые по старинѣ слыли за бояръ княжіихъ,—отличались тутъ, наравнѣ и за одно съ княземъ, уже неразрывною связью со всею здѣшнею землею: со всѣмъ мѣстнымъ народонаселеніемъ уже они составляли одно. Въ нихъ тутъ и всѣ меньшіе люди, въ свою очередь,—тѣ многочисленные *меньшіе*, которые «грамотѣ не умѣли и къ дѣлу не годились» —видѣли уже не *гордыхъ вольниковъ*, не старинныхъ бояръ-крамольниковъ «творившихся преимущественными передъ мизиннымъ людомъ», а преданныхъ князю и здѣшнему княжеству *служилыхъ людей*, которые умѣли справлять государеву службу на пользу самаго здѣшняго края—и всѣ были съ нимъ равны предъ государемъ. Такова была Москва при Даніилѣ; если онъ «не втунѣ носилъ мечъ противъ обидящихъ землю»,—ими были уже тутъ не тѣ сильные властники, которыхъ во время оно страхомъ своего господства долженъ былъ поражать прадѣдъ его, Всеволодъ Большое Гнѣздо, а развѣ лишь одни тати и разбойники. Отъ

нихъ только приводилось Даніилу ограждать свою землю; а кромѣ того, земскій миръ въ ней былъ полный. Страшенъ былъ Даніилъ своимъ господствомъ только для злодѣевъ,—отъ нихъ же ограждать землю почиталось на Руси не столько лестнымъ правомъ, сколько тяжкою обязанностью князя. «Страхомъ господства своего огради всю землю»,—такъ выражался народъ про своихъ мужественныхъ державцевъ. Народъ Владимірскаго княжества цѣнилъ всего дороже еще во времена Юрія Долгорукаго «спокойствіе земли» отъ «правосудія его». То же продолжалось и при всѣхъ лучшихъ преемникахъ Юрія даже до внуковъ и правнуковъ его. А такъ какъ Даніилъ былъ еще и благовѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ князей своего времени, благочестиваго нрава и святой жизни человѣкъ, то именно принадлежалъ къ числу тѣхъ, для русскаго народа наиболѣе дорогихъ и желанныхъ державцевъ, о которыхъ при томъ не мимо шло и другое слово, сказавшееся въ народѣ: «пріявъ скипетръ державства отца, дѣда и прадѣда своего, предержали земное царство, небесному присягая».

Но, кромѣ этого, Даніилъ оставилъ по себѣ память такого перваго московскаго князя, чье имя—по народному воззрѣнію—неразрывно связано съ грядущимъ величіемъ основаннаго имъ княжества. Тутъ, собственно, имъ и при немъ,—вѣритъ народъ,—и зародилась та Москва, «которая потомъ выросла въ цѣлое Русское государство».

Изъ видныхъ дѣяній Даніила именно извѣстно то, что Даніилъ мирно сидѣлъ въ Москвѣ, промышлялъ къ ней рубежи, необходимые Москвѣ, и стольный свой городъ расширилъ въ цѣлое княжество; до него была только Москва, звавшаяся тогда еще Кучковымъ селеніемъ,—а Даніилъ оставилъ послѣ себя цѣлое Московское княженье. И мечъ не участвовалъ въ этомъ пріобрѣтеніи, мечъ тутъ былъ ни причемъ.

И тѣмъ не менѣе, кроткій Даніилъ, унаслѣдовавъ къ благоустроившейся вотчинѣ своей еще и Переяславльское княжество, сдѣлался напослѣдокъ могущественнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ князей своего времени. А по титулу «московскій князь», который онъ носилъ

вошло въ славу на Руси и само его княжество. Раньше Даніила—не то Москва, не то Кучково селеніе, занималась лишь временно то тѣмъ, то другимъ княземъ, и ни въ чьихъ рукахъ собственно княжества не составляла. Одинъ только Даніилъ Александровичъ и почитается первымъ настоящимъ вотчинникомъ Москвы, ея первымъ княземъ: получивъ ее на свой удѣлъ съ родомъ своимъ, онъ и сдѣлался родоначальникомъ ея дальнѣйшихъ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальникомъ ея славы*).

О стольномъ городѣ Даніила извѣстно, что и онъ, какъ и всѣ православные города на Руси, свѣтился церквами и монастырями. Но былъ одинъ монастырь, особенно любимый основателемъ московскаго княжества,— поставленный имъ у береговъ Москвы-рѣки, въ виду столицы, во имя ангела своего, столпника Даніила. Это была скромная, убого захоронившаяся въ тѣни здѣшняго бора, уединенная обитель, куда князь уходилъ воздыхать о житіи молчальника.

Раздѣляя тутъ молитвы и благочестивые подвиги бѣдныхъ иноковъ, онъ не захотѣлъ разставаться съ монастырскою братіей и послѣ смерти. При срубленной здѣсь церкви находилось братское кладбище, гдѣ погребались иноки здѣшняго монастыря. Даніилъ завѣщалъ похоронить и себя среди нихъ на этомъ погостѣ—внѣ церковной ограды, среди прочихъ братій, какъ простого инока; такъ и было исполнено по волѣ князя. Въ самой же Москвѣ, вскорѣ обратившейся въ великокняжескую столицу, красовались уже каменные храмы: Архангельскій соборъ, церковь Іоанна Лѣствичника, Спасъ-на-бору; вокругъ дворца великокняжескаго былъ заложенъ Кремль и высились его дубовыя стѣны. Сыну Даніила хотѣлось уже имѣть монастырь въ самомъ Кремлѣ, возлѣ своихъ палатъ княжескихъ. Сюда ко Спасу-на-бору и перевелъ онъ всю братію Данилова монастыря съ тамошнимъ архимандритомъ: «да вкупѣ оба монастыря подъ единымъ началомъ устрояются». Но потомъ, при внукахъ и правнукахъ Даніилова сына, Спасо-преображенскій кремлевскій монастырь продолжалъ свое существованіе, уже какъ принадлежащій ко двору великокняже-

*) Тамъ же, стр. 203—221.

скому, а уединенная зарѣчная обитель оскудѣла нерадѣніемъ архимандритовъ Спасскихъ. И тамъ, гдѣ народъ чтилъ гробницу съ мощами святаго князя, заглохъ въ то время уже и самый погостъ: «токмо единая церковь оста, и прозвася мѣсто то сельцо Даниловское»... А Москва тѣмъ временемъ—уже во дни царственнаго величія своего—украсилась многими златоглавыми и каменными строеніями; кромѣ дворца возлѣ соборовъ высились уже и каменныя твердыни Кремля: его зубчатыя стѣны и грозныя башни съ двухглавымъ орломъ. Архангельскій же соборъ, также перестроенный заново, вмѣщалъ въ себѣ многочисленныя гробницы множайшихъ отъ пяти поколѣній потомковъ Даніила.

Итакъ, младшій сынъ Невскаго получилъ и младшій удѣлъ, Москву; послѣ же того, какъ онъ присоединилъ къ своей столицѣ окружавшую ее подмосковную область и пріобрѣлъ еще Переяславскую—возвысившійся удѣлъ его, какъ по благоустройству, такъ и по величинѣ своей превосходилъ всѣ прочіе.

Какъ нѣкогда Кіевъ обратился въ столицу безъ городовъ, такъ и самъ Владиміръ напослѣдокъ сошелъ на-нѣтъ;—и какъ Южная, Кіевская Русь раздробилась во время оно въ роду Ольговичей и Мономаховичей, такъ же разрознилась и Сѣверная, Владимірская Русь въ размножившемся роду разрознившихся потомковъ Всеволода Большое-Гнѣздо.

Надъ тѣми и другими потомками св. Владиміра, и на сѣверѣ и на югѣ, господствовали ханы,—тамъ и здѣсь царила Орда. На лучшую будущность—ни тамъ, ни здѣсь не было и надеждъ впереди*).

*) Тамъ же, стр. 226—229.

*

Великій князь московскій Иванъ Даниловичъ Калита.

(1303—1340).

Родоначальникъ московскихъ князей, какъ бы передавая имъ благовѣрные завѣты родителя своего, Невскаго, праправнука Мономаха, и про-праправнука Владиміра Святаго, не переставалъ ихъ осѣнять памятью своей святости изъ вѣка въ вѣкъ. Московскіе князья вскорѣ превознеслись выше всѣхъ прочихъ: имъ принадлежало безусловное первенство между всѣми и никто болѣе не дерзалъ равняться съ ними. А святый Даніилъ не переставалъ осѣнять ихъ своею памятью и напоминать о себѣ всѣмъ своимъ потомкамъ изъ рода въ родъ.

Дѣло своего отца, Даніила, довершилъ его сынъ, Иванъ Даниловичъ: какъ Даніилъ собралъ вокругъ Москвы цѣлое княжество, и она обратилась въ столицу новаго зародившагося княжества, сильнѣйшаго противъ всѣхъ разрознившихся удѣловъ,—такъ Иванъ Даниловичъ началъ уже вокругъ Московскаго княжества собирать разрознившіяся части самыхъ удѣловъ тогдашней разрозненной Руси,—и Москва стала при немъ «сердцемъ Русской земли», ея истинной столицей.

Смолоду сходный съ отцомъ, Иванъ Даниловичъ долгое время, подобно отцу, держался вдали и въ сторонѣ отъ главныхъ событій. Онъ и нравомъ напоминалъ Даніила: смолоду любилъ монастыри, былъ прилеженъ къ церкви, отличался домовитостью и скопидомствомъ; послѣднее въ немъ доходило даже до излишества. Старшіе князья воевали изъ-за великаго княженія, оспаривали другъ у друга и Новгородъ, и Владиміръ; соперничать въ этомъ Калита оставилъ старшему брату своему, Юрію, а самъ захоронился въ мірномъ наслѣдіи отца своего—Московскомъ княжествѣ, пополненномъ Переяславскимъ,—и добрыя-ли, злыя-ли дѣла, творившіяся тогда на Руси, обращали на себя всеобщее вниманіе,—Иванъ Даниловичъ оставался къ нимъ непричастенъ. Въ 1325 году неожиданно скончался старшій братъ его, Юрій; прочіе братья скончались еще раньше. Три года

спустя, ханъ назначилъ Іоанна великимъ княземъ. Съ этого времени вся дѣятельность его становится у всѣхъ на виду; а до того, за цѣлую четверть вѣка, будто его и не было между тогдашними князьями. Только дружественное къ нему расположеніе прославившагося тогда святителя Петра и многолѣтняя преданность самого Іоанна этому святому митрополиту—доказываютъ о княжеской дѣятельности Іоанна, что она дѣлилась тогда поровну между Москвою и Переяславлемъ; тутъ и пребывалъ онъ въ полной безызвѣстности—прежде, чѣмъ сдѣлался великимъ княземъ. Объ этой долговременной и нешумной дѣятельности Іоанна съ 1303 по 1328 годы можно сказать только, что, захоронясь въ мирномъ наслѣдіи отца своего, онъ забирался втихомолку силой и богатствомъ: исподволь богатѣлъ богатѣніемъ своего края и усиливался его успѣшнымъ ростомъ,— въ томъ и провелъ все время, что копилъ казну, силу и богатство. А въ частности извѣстно еще, что во всей его области перевелись тати и разбойники. Это составляло, какъ видно, особенное отличіе его княжества; такой тишины и безопасности, какъ здѣсь, нигдѣ не находили; немудрено поэтому, что сюда устремилось народонаселеніе, умножились тутъ промыслы и торговля. Тому, впрочемъ, способствовало и само срединное положеніе новообразовавшагося княжества: тутъ, именно, прямо сказать, въ сердцѣ Русской земли скрещивались и всѣ ея пути—съ сѣвера на югъ и отъ запада къ востоку. Ватаги и товары, ходившіе изъ Кіево-Черниговскихъ мѣстъ вверхъ по Деснѣ и волокомъ въ Оку, съѣзжались подъ Коломной въ устьѣ Москвы-рѣки съ ватагами и товарами, приходившими Волгой изъ Нижняго и Мологи; эта же дорога была и въ Муромо-Рязанскія мѣста. Водный путь по Москвѣ - рѣкѣ вдругъ оживился, сами новгородцы стали дорожить имъ. Москва уже наполнилась тогда торговцами разныхъ мѣстъ. Но не только торговыхъ, а и всякихъ людей отовсюду прибывало. Пашеннымъ людямъ было здѣсь удобнѣе селиться, чѣмъ въ раззоряемыхъ княжескими усобицами прочихъ мѣстахъ; а, кромѣ того, по богатству здѣшнихъ вотчинниковъ хозяйственныя условія для новоселовъ были здѣсь выгоднѣе, и льготнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ А что касается той щедрости, съ какою служилые люди принимались на службу московскими князьями, то въ этомъ отноше-

ніи ни одинъ изъ князей не могъ соперничать съ ними. Бояре и дворяне изъ многихъ городовъ бывшаго Владимірскаго княжества, оставляя прочихъ князей, измельчавшихъ въ ихъ раздробившихся удѣлахъ, охотно переходили къ усилившемуся московскому князю и, получая отъ него земли съ обязанностью службы, почитали уже лестнымъ для себя приложиться къ здѣшнему земству. Изъ самой Орды выѣзжали многія татарскія семьи—знатные вельможи, крестившіеся со всѣмъ родомъ своимъ и прилагавшіеся къ православной Руси, и предпочитали селиться именно въ Московскомъ княжествѣ: въ томъ числѣ пришелъ къ Ивану Даниловичу мурза Четъ, предокъ знаменитаго впослѣдствіи рода Годуновыхъ.

Со всѣхъ сторонъ и ото всѣхъ концовъ потому и стекались всякіе люди такъ охотно къ здѣшнему рачительному и хозяйственному князю - вотчиннику, что у него и въ поминѣ не было тѣхъ неурядицъ, которыя не переводились тогда всюду въ старинныхъ или на старый ладъ образовавшихся удѣлахъ. А таковы именно и были всѣ до одного образовавшіеся за послѣднее время удѣлы распавшагося на части Владимірскаго княжества,—лишь въ Москвѣ, еще со времени Даніила упрочился новый порядокъ, внесшій съ собой благоустроеніе. Московское княжество, къ тому же, успѣвъ себѣ купить цѣной непротивленія татарамъ полное отъ нихъ спокойствіе еще во времена Даніила, отличалось этимъ еще болѣе при Иванѣ Даниловичѣ. Этотъ тишайшій князь слылъ за такого усерднаго и преданнаго слугу хана, что казалось, лучшаго не могли бы и желать ордынцы.

Задавшись рѣшеніемъ и закалившись въ рѣшимости —до времени не только не возбуждать врага, но еще усыплять его своей покорностью, а потомъ, собравшись съ силою, свергнуть жестокое иго,—онъ неукоснительно шелъ къ своей цѣли впередъ, и законъ у него въ душѣ былъ крѣпкій. Безропотный данникъ татаръ и въ потѣ лица работникъ хана, онъ казался тишайшимъ и смиреннѣйшимъ между князьями, себѣ же на умѣ былъ и всѣхъ ихъ дальновиднѣй. Въ высшей степени обладалъ онъ умѣньемъ подчиниться, гдѣ надо, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать тѣмъ рѣшительнѣе, гдѣ приходилось быть безпощаднымъ и неумолимымъ. Обладалъ онъ въ высшей

мѣрѣ тѣмъ свойствомъ, которое сдѣлалось потомъ наслѣдственнымъ признакомъ въ роду его. Это было свойство, которымъ даже любили потомъ хвалиться московскіе князья, ставъ государями, и которое увѣковѣчилось въ ходячемъ разсказѣ о славнѣйшемъ потомкѣ Калиты, Іоаннѣ III, извѣстнымъ своимъ изреченіемъ о сломанной трости: «Кабы погнулась, такъ бы не сломалась».

Княжество Ивана Даниловича упрочилось тѣмъ временемъ; въ немъ водворилось такое благоустройство, отъ котораго было совсѣмъ отвыкли на Руси,—тотъ добрый порядокъ, который внушительно свидѣтельствовалъ о себѣ, что заложенъ въ прокъ, и ручался за добрую же будущность впереди. А его столица возвысилась «паче всѣхъ городовъ русскихъ» того времени. Тутъ—и лишь тутъ только—чувствовалось обновленіе силы русской, возрожденіе того самого, чего Русь была лишена Монголомъ. Княженіе Іоанна намекало уже въ грядущемъ на возможность достиженія и главной тогдашней цѣли—избавленія отъ самихъ его покровителей, татарскихъ хановъ.

Прозорливый старецъ, святитель Петръ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, переѣзжая, подобно своимъ предшественникамъ, изъ города въ городъ и обозрѣвая епархію, подолгу гащивалъ въ столицѣ Ивана Даниловича,—и по вопросу: *гдѣ утвердить престолъ митрополита*, окончательно остановилъ свой выборъ на Москвѣ. Онъ благословилъ Ивана Даниловича построить въ Москвѣ соборный храмъ Богородицы, какъ это сдѣлалъ Андрей Боголюбскій во Владимірѣ, когда пожелалъ сдѣлать его великокняжескою столицею на смѣну Кіева. Святитель Петръ незадолго до блаженной кончины своей говорилъ князю: «Если въ семъ градѣ воздвигнешь домъ Богородицы, то прославишься пуще иныхъ князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся тутъ, и святители тутъ поживутъ; градъ сей великимъ наречется и взыдутъ его руки на плечи враговъ своихъ». Святитель Петръ, такимъ образомъ, предвѣщалъ уже освобожденіе Руси отъ Монгола; въ ту пору нельзя было еще о томъ говорить яснѣе. Уже чувствовалось,—благодаря благоуспѣшному княженію Іоанна, именно въ его княженіи и чувствовалось особенно живо,—

начинавшееся обновленіе и возрожденіе русской силы. Что она превозможетъ напослѣдокъ—въ томъ уже свѣтилась надежда впереди. Но по тѣмъ лютымъ временамъ объ этомъ говорилось лишь прикровенно. Такія слова, какъ: «ежели насъ Богъ отъ татаръ избавитъ», или еще: «ежели насъ Богъ освободитъ отъ орды» —стали произносить вслухъ, громко, только при внукахъ Іоанна, даже еще не при его дѣтяхъ; а при его правнукахъ это стало уже за обычай.

Это не только говорили, но это самое включали при своихъ договорахъ еще и въ свои писанныя граматы всѣ князья безъ исключенья.

«Москва прославится и взыдутъ ея руки на плечи враговъ»,—такъ записано у лѣтописцевъ вдохновенное слово, изреченное прозорливцемъ въ самыя мрачныя времена монгольскаго ига, въ непроглядную темь злѣйшей татарщины на Руси. Сбылось по слову святителя. Иванъ Даниловичъ заложилъ каменный храмъ Богородицы—Успенскій соборъ. Митрополитъ Петръ самъ, своими руками уготовилъ для себя гробницу въ предъ-алтарьѣ, въ одной изъ стѣнъ собора, чтобы свято почить тутъ: да не разлучаются и послѣ него дальнѣйшіе его преемники со святымъ, избраннымъ имъ, мѣстомъ, которое самъ онъ и благословилъ на вѣкъ. Тайный промыселъ Божій видимымъ содѣйствіемъ Петра митрополита воочію объявился въ судьбѣ Іоанна и во всей его княжеской дѣятельности,—даже по кончинѣ блаженнаго старца оставался нѣкій неисповѣдимо глубокій, неизгладимый слѣдъ...

Уроженецъ Волыни и Галича, нѣкогда игуменъ Ратьковскаго монастыря, исходившій на старости лѣтъ, по святительскимъ епархіальнымъ обязанностямъ, изъ края въ край всю, растерзанную тогда на части, страдавшую подъ монгольскимъ игомъ, а мѣстами находившуюся во власти другихъ иновѣрныхъ иноплеменниковъ, раздробленную, приниженную и полуистребленную Русь, —разумѣется, никто такъ и не болѣлъ тогда за нее душою, какъ самъ онъ, святой старецъ *митрополитъ Кіевскій и всея Руси*. Благословивъ тихіе и мирные берега Москвы-рѣки и затаившагося тутъ князя, святитель, разумѣется, внушилъ ему: *да не предаетъ забвенію, всячески себя утѣшая*, да не забудетъ въ своей столицѣ *всей Руси*. Держава свя-

таго Владиміра, завѣты Мономаха, преданія святыхъ кіевскихъ временъ—вотъ о чемъ всероссійскій святитель не переставалъ напоминать московскому князю. А то самое, что онъ благословилъ еще избрать средоточный городъ Русской земли, эту столицу любимаго имъ князя, каѳедрою своей митрополіи и захотѣлъ почивать тутъ во вѣки, дабы и преемники его не покидали сего мѣста,—должно было всю жизнь князя напоминать ему завѣтъ святительскій и содѣйствовать его исполненію всѣми же потомками князя изъ рода въ родъ. Переселеніе сюда «митрополита всея Руси» сразу возвысило Москву и уже на самыхъ первыхъ порахъ сдѣлало ее какъ бы всероссійскою столицей.

Кромѣ Успенскаго собора, Иванъ Даниловичъ воздвигнулъ вскорѣ еще много и другихъ церквей въ Москвѣ: каменную, Спасъ-на-бору, уцѣлѣвшую до сихъ поръ; Архангельскій соборъ, гдѣ стали погребать московскихъ государей; церковь Іоанна Лѣствичника, нынѣ придѣлъ къ колокольнѣ Ивана Великаго, и другія церкви и монастыри. Тогда же Иванъ Даниловичъ утвердилъ и Московскій Кремль, обнесъ его крѣпкими дубовыми стѣнами, окружилъ рвомъ,—княжескій дворецъ и святыни стали глядѣть изъза стѣнъ Кремля неприступною твердыней. По мѣрѣ тогдашнихъ средствъ строительнаго искусства и богатыхъ средствъ московскаго князя, столица его возвысилась и украсилась, какъ и слѣдовало городу, предназначенному быть первопрестольной столицей; прочіе города уже поникли передъ ней и напрасно бы пытались соперничать съ нею. Московскіе князья и прежде по богатству своему превосходили всѣхъ прочихъ; а теперь, отъ близости къ ихъ престолу всероссійскихъ іерарховъ, еще болѣе возвысились въ глазахъ народа. Какъ древле въ Кіевѣ великокняжеская власть и дворецъ великокняжескій осѣнялись еще святынею Печерской Лавры, которая праведниками и угодниками своими, какъ солнце, сіяла на всю Русскую землю,—такъ, по Кіевскому образу и по завѣту священной старины еще Владиміра Святаго, здѣсь, въ Москвѣ, власть князей и державство государей всея Руси должны были утверждаться подъ сѣнію церковной же святыни. Дворцовыя палаты не разлучались и тутъ отъ монастырскихъ келлій,—и на Москвѣ, такъ же, какъ и въ Кіевѣ, было великое единеніе въ духѣ мира и любви между право-

славною русскою церковью и православнымъ русскимъ державствомъ; сосѣдство дворцовыхъ палатъ и монастырскихъ келлій, также и осѣненіе здѣшнихъ верховъ княжескаго терема многочисленными крестами главъ церковныхъ—все напоминало Москвѣ ту православную кіевскую старину, когда и Ярославъ Мудрый, и Мономахъ—всѣ благочестивые потомки Владиміра Святого—«предержали земное царство, небесному присягая» *).

Въ 1326 году 20-го декабря скончался преосвященный Петръ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Были на погребеніи его князь Иванъ Даниловичъ, епископъ луцкій Ѳеодосій и весь чинъ священническій и всѣ московскіе бояре. Уроженца Галича и Волыни, Петра митрополита хоронилъ, такимъ образомъ, епископъ Луцкій, прибывшій оттуда же, изъ тѣхъ дальнихъ мѣстъ. Этотъ самый Луцкъ иновѣрные иноплеменники звали тогда уже одни польскимъ городомъ, а ихъ соперники—литовскимъ, какъ и многіе другіе православные города. А ихъ владыки, стекаясь на Москву къ первосвятителю по дѣламъ своихъ епархій, узнавали въ Іоанновой столицѣ свою родную. Послѣ святого Петра митрополита былъ поставленъ Ѳеогностъ и не захотѣлъ уже разстаться съ соборнымъ храмомъ Богородицы, гдѣ почилъ его предшественникъ. Миръ и тишина здѣсь были полныя; лѣтопись говоритъ: «сѣде князь Иванъ Даниловичъ на великомъ княженьи на Москвѣ, и бысть тишина христіаномъ по всей Русской землѣ на многія лѣта».

Послѣ неисчислимыхъ распрей между князьями и татарскихъ опустошеній, не прекращавшихся по кончинѣ Александра Невскаго слишкомъ полстолѣтія, тишина, наступившая при его внукѣ, должна была казаться чудомъ и надолго запечатлѣться въ памяти народа. Она самая, эта всеобщая и многолѣтняя тишина, установившаяся при Іоаннѣ, и составляетъ самое главное событіе за время его княженія: другихъ—не только съ нимъ равныхъ, а, вообще говоря, крупныхъ замѣчательныхъ событій напрасно стали бы искать.

*) Тамъ же, стр. 304 – 373.

Къ этому времени всѣ знали про Ивана Даниловича, что онъ вошелъ въ полное довѣріе у могущественно царившаго Узбека,—и всѣ прочіе князья склонялись передъ московскимъ, «вѣдуще, яко ханъ вся по его просьбѣ сотворитъ».

Сила его, кромѣ уже неограниченнаго довѣрія къ нему хана, заключалась еще въ томъ, что въ его рукахъ сосредоточивались всѣ сборы съ прочихъ князей ханской дани. Никто, какъ видно, изъ всѣхъ прежнихъ великихъ князей не доставлялъ еще столько дани въ орду, какъ Иванъ Даниловичъ; никто не былъ такимъ самовластнымъ распорядителемъ по ихъ сбору между князьями, какъ онъ. Это создало ему совершенно исключительное положеніе между всѣми ими.

Но не только однимъ этимъ занималъ онъ исключительное положеніе между тогдашними князьями, но и самъ по себѣ составлялъ выдающееся явленіе между ними. Нечаянный-ли успѣхъ его мирной хозяйственной дѣятельности въ затишьѣ своего родового наслѣдія и разныя особенности унаслѣдованнаго имъ княжества повели къ этому,—былъ ли онъ съ дѣтства еще родителемъ воспитанъ въ такомъ духѣ или самъ возросъ и мужалъ въ немъ, но такъ отъ начала сложилось все его княженье и сами обстоятельства благопріятствовали тому—одинъ онъ изъ всѣхъ тогдашнихъ князей имѣлъ ясную и твердо поставленную цѣль передъ собою. Не мелкія удѣльныя распри и счеты въ пользу того или другого изъ удѣловъ, а береженіе *всей Руси* поставилъ онъ цѣлію своего великаго княженія и, бывши, собственно, лишь московскимъ княземъ, извнутри своего удѣла прозрѣвалъ *всю Русь*. Это сказывалось у него во всемъ, не только въ титулѣ, который онъ себѣ присвоилъ: „*Великій князь Московскій и всея Руси*“, но и въ отношеніяхъ его къ Новгороду, ко всѣмъ прочимъ княжествамъ и къ самому хану Узбеку.

Соблюдать въ цѣлости русскую землю—роковымъ образомъ значило тогда, по тѣмъ злосчастнымъ временамъ, соблюдать въ цѣлости державу самаго хана: одно совпадало съ другимъ. И, примѣняясь къ такимъ обстоятельствамъ, Иванъ Даниловичъ съ рѣдкимъ искусствомъ пользовался ими: въ самомъ источникѣ тогдашняго злополучія, въ ордѣ татарской, онъ и нашелъ главное ору-

діе къ достиженію своей цѣли. Сомнѣнія нѣтъ, что онъ не переставалъ, напримѣръ, указывать Узбеку на зловредное усиленіе Литовской державы, и какъ самъ воевалъ съ Литвою, такъ побуждалъ къ тому и Узбека. Онъ же указывалъ хану на неистощимыя богатства Новгорода, заключавшіяся въ отдаленныхъ земляхъ Печерскаго края, вѣдать которыя новгородцы не допускали великихъ князей. Узбекъ чествлъ и жаловалъ такого несравненнаго по усердію, неутомимаго работника своего, а московскій князь тѣмъ успѣшнѣе достигалъ намѣченной себѣ цѣли, уже не тщетно именуясь великимъ княземъ *всея Руси.*

Замѣчательно, что за все время своего велико-княженія, Иванъ Даниловичъ ни съ кѣмъ изъ прочихъ князей не вступалъ въ личныя ссоры и междоусобныя брани, ни одного изъ нихъ не лишилъ наслѣдственныхъ удѣловъ, противъ ни котораго изъ нихъ не ходилъ войной. Съ тѣмъ вмѣстѣ, однако, всѣхъ держалъ въ повиновеніи и всѣ безъ исключенія слушались его. Значительнѣе всѣхъ прочихъ князей и виднѣйшимъ изъ нихъ былъ, безспорно, Александръ Михайловичъ; благодаря кому же, какъ не Іоанну, могъ онъ спокойно княжить во Псковѣ въ теченіе десяти лѣтъ? Иванъ Даниловичъ не только оружіемъ или какимъ-либо вмѣшательствомъ, но даже ни единымъ словомъ не тревожилъ его въ Псковскомъ уединеніи: но за его подозрительными сношеніями съ державой Гедимина и съ Ливоніей слѣдилъ зорко и не прощалъ ему ихъ.

Новгородъ, страшась могущества Іоанна, постоянно заискивалъ передъ нимъ и всячески предлагалъ свою дружбу,—не отказываясь посылать ему дань въ Москву, въ его новую столицу, вносилъ ее больше, чѣмъ когда-либо въ прежній стольный городъ Владиміръ. Иванъ Даниловичъ, какъ московскій князь, могъ совершенно удовольствоваться той данью и честью, которыми Новгородъ старался склонить его на свою сторону, но какъ великій князь всея Руси, онъ не довольствовался этимъ. Іоаннъ открыто требовалъ отъ Новгорода того именно, чѣмъ дѣйствительно великій господинъ Новгородъ былъ повиненъ всей Русской землѣ: ни новгородскихъ притязаній, ни исключительнаго пользованія Заволоцкой Чудью, ни угрозъ бояръ новгородскихъ передаться Литвѣ Іоаннъ

не прощалъ Новгороду; изъ-за этого все время воевалъ съ нимъ и ни въ какія сдѣлки съ нимъ не входилъ. За все время великаго княженія Іоаннъ ясно давалъ чувствовать новгородцамъ, что требуетъ отъ нихъ не лишнихъ тысячъ гривенъ, нужныхъ ему на свои московскія постройки, а старинныхъ рубежей, которые предками его—еще со времени Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода Большое-Гнѣздо—были упрочены за Владимірскимъ великимъ княжествомъ. Кромѣ того, онъ указывалъ новгородцамъ, что не имъ однимъ, а всей Руси лежитъ путь—не только въ мѣста Заволоцкой Чуди въ сѣверномъ Подвиньѣ, а еще за Каму и даже за «Камень». Подъ именемъ „Камень" разумѣли тогда Уральскія горы; слѣдовательно, и подъ „за-Каменьскими" мѣстами разумѣлись уже Сибирскіе предѣлы. Не только сѣверное по-Двинье, Пермь и Печорскій край, но и мѣста за Ураломъ, такъ называемую Югру,—Иванъ Даниловичъ почиталъ достояніемъ всей Руси, а никакъ не однихъ новгородцевъ. Великій господинъ Новгородъ упорно стоялъ на своемъ, что тѣ мѣста составляютъ исключительную собственность одного его и почиталъ ихъ возбраненными для всѣхъ, „льготными мѣстами своими",—а московскій князь съ этимъ не соглашался. Сверхъ того, наконецъ, зорко слѣдилъ Иванъ Даниловичъ и за тѣми подозрительными сношеніями, которыя начались тогда у Новгорода съ Литвой. Бояре новгородскіе не только считали себя въ правѣ призывать къ себѣ на княженіе литовскихъ князей, а, повидимому, готовы были даже вовсе подчинить Новгородъ покровительству Литвы, лишь бы держать его въ своей волѣ, отъ всѣхъ прочихъ княжествъ особо, А Великій князь московскій всея Руси не допускалъ этого.

Возвратясь въ 1332 году изъ орды, Иванъ Даниловичъ предъявилъ отъ имени хана такое требованіе новгородцамъ, на которое они отвѣтили отказомъ; онъ же настаивалъ на своемъ требованіи и, въ залогъ его исполненія, немедленно же занялъ войскомъ Торжокъ и Бѣжецкій верхъ. Съ того и пошелъ споръ у московскаго князя съ Новгородомъ, то затихавшій на время по смиренію новгородцевъ, то разгоравшійся съ новою силою по „неисправленію ихъ",—споръ, длившійся безъ конца, въ теченіе цѣлаго княженія Іоанна. Поводомъ къ этому спору

было за-Камское, или, правильнѣе, за-Каменское серебро *). Другими словами, это значило: Московскій князь требовалъ отъ Новгорода денежнаго сбора съ такихъ мѣстъ, которыя до тѣхъ поръ почитались вовсе неприкосновенными и неподвѣдомыми для князей, управлявшихъ Новгородомъ,—потребовалъ распространенія и установленія даней и пошлинъ на всѣ новгородскія владѣнія включительно, даже до сибирскихъ предѣловъ.

Въ Новгородѣ, по обыкновенію, вспыхнули безпорядки. Тогда Иванъ Даниловичъ, не довольствуясь простымъ занятіямъ Торжка и Бѣжецка, велѣлъ идти въ Новгородскую область Суздальскому и Рязанскому князьямъ, самъ пришелъ туда ратью со всѣми низовскими князьями и пробылъ два мѣсяца „воюя волость новгородскую". Два раза присылали къ нему новгородцы просить мира, «зовучи его на столъ въ Новгородъ». Второй разъ они привезли отъ имени всего Новгорода пять сотъ гривенъ серебра. Первый разъ онъ вовсе не принялъ пословъ, а второй—допустилъ ихъ до себя, но въ ихъ челобитьѣ отказалъ.

Иванъ Даниловичъ вновь поѣхалъ въ орду, и по его возвращеніи огласилось, что былъ онъ тамъ принятъ съ великою честью и вошелъ въ силу больше прежняго, награжденный новымъ пожалованіемъ отъ хана. Это испугало новгородцевъ; благодаря заступленію митрополита Ѳеогноста, состоялось примиреніе московскаго князя съ новгородцами, и миръ этотъ не нарушался около двухъ лѣтъ. Главною причиной къ тому была уступчивость новгородцевъ, если не ко всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ требованіямъ Іоанна. Такъ, напримѣръ, онъ уже вовсе не стѣснялся покупать земли и заводить слободы въ новгородскихъ владѣніяхъ, заселять ихъ своими людьми и тому под., чего въ прежнее время новгородцы не допускали. Но великій князь не отступался въ то же время и отъ главныхъ своихъ требованій, которыя имъ были отъ начала предъявлены Новгороду,—новгородцы же, въ свою очередь, и до сихъ поръ уклонялись ихъ исполнять,—и миръ Москвы съ Новгородомъ нару-

*) Добываніе руды въ Сибирскихъ странахъ велось съ незапамятной старины. Новгородъ получалъ оттуда серебро, отчасти ведя торговлю въ тамошнихъ мѣстахъ, а отчасти прямо, какъ дань отъ туземцевъ подчиненной ему Пермской страны.

шился самъ собой. Великій князь «прогнѣвася на Новгородцевъ за неисправленіе ихъ» (1337 г.) и послалъ отряды въ Заволоцкую Чудь собрать двинскую дань. Это была дань старинная, которую по-Двинье платило Владимірскому княжеству еще во времена Андрея Боголюбскаго. Великому князу московскому естественно было вспомнить объ этой Двинской дани, которую Новгородъ, пользуясь сокрушеніемъ Владимірскаго княженія, опять присвоилъ исключительно себѣ и считалъ неподвѣдомой другимъ князьямъ. Но, очевидно, Иванъ Даниловичъ имѣлъ въ виду на этотъ разъ лишь *напомнить* новгородцамъ о принадлежности того по-Двинья всей Руси,—войны же за обладаніе тѣмъ краемъ еще не предпринималъ. Война московскаго князя съ Новгородомъ предстояла еще впереди и только надвигалась. Но если московскій властитель, въ качествѣ великаго князя всея Руси, такъ неотступно предъявлялъ свои требованія великому господину Новгороду, то, разумѣется, съ прочими княжествами, обратившимися тогда въ мелкіе удѣлы, уже вовсе не чинился. Имъ, захудалымъ вотчинникамъ, спорить съ московскимъ княземъ больше не приходилось. Не говоря уже объ исключительномъ положеніи, въ которое онъ успѣлъ себя поставить къ хану,—ни о томъ, что боярство и дворянство отовсюду изъ скудѣвшихъ удѣловъ охотно переходило къ нему на службу и предпочитало его Московское княжество всѣмъ прочимъ, и о томъ, наконецъ, что для самого народа, для всѣхъ здѣшнихъ народо населеній, успѣхъ Москвы и ея князя былъ желаннымъ,—Иванъ Даниловичъ не имѣлъ больше соперниковъ между князьями уже по самой простой причинѣ. Не только ни одинъ изъ нихъ не могъ съ нимъ соперничать силой и богатствомъ, а ужъ по многочисленности своихъ полковъ и богатствомъ казны своей превосходя всякаго изъ нихъ въ отдѣльности, онъ былъ въ состояніи соперничать противъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Вначалѣ Иванъ Даниловичъ многолѣтнею хозяйственною дѣятельностью въ одномъ только родовомъ своемъ наслѣдіи умѣлъ скопить уже несмѣтную казну, силу и богатство. А орудуя съ тѣмъ же хозяйственнымъ умѣніемъ напослѣдокъ, когда царь Узбекъ далъ ему иныя многія княжества къ Москвѣ и столъ Владимірскій, и когда, сдавъ ему въ полное распоряженіе сборъ *ордынскаго выхода*, поставилъ его какъ бы откупщикомъ этой дани

вмѣсто прежнихъ бусурмановъ,—прямо сказать, московскій князь несмѣтными богатствами своими превосходилъ всѣхъ прочихъ князей, вмѣстѣ взятыхъ,—могъ даже богатствомъ скоплявшагося у него серебра и золота мѣриться съ самымъ Новгородомъ. «Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ отправлялъ въ Москву и другія области работу нѣмецкихъ фабрикъ. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками татарскихъ разбойниковъ; милостивыя граматы Узбека, данныя великому князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ, въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ холопій городокъ, съѣзжались купцы—нѣмцы, греки, итальянцы, персы, и казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра; безчисленныя суда покрывали Волгу—сія ярмарка слыла первою въ Россіи до самаго XVI вѣка».

Однихъ городовъ, кромѣ Москвы и Переяславля, насчитывалось въ княженіи Іоанна больше, чѣмъ было простыхъ селеній въ прочихъ удѣлахъ: Можайскъ, Коломна, Луза, Звенигородъ, Серпуховъ, Верея и другіе; кромѣ того, пріобрѣталъ онъ еще и покупкою у бѣднѣйшихъ князей не только села, но и города въ ихъ оскудѣвшихъ удѣлахъ: такъ имъ были куплены Угличъ, Бѣлозерскъ, Галичъ Мерянскій. Однихъ подмосковныхъ слободъ съ волостями перечислилъ онъ въ своемъ завѣщаніи свыше сорока поименно, столько же и большихъ селъ подмосковныхъ; а кромѣ того владѣлъ и въ большихъ княжествахъ цѣлыми городами съ ихъ уѣздами и отдѣльными селеніями въ другихъ уѣздахъ. Онъ постоянно умножалъ свои вотчины, покупалъ и мѣнялъ у бояръ и монастырей, получалъ въ подарокъ или по завѣщанію или по наслѣдству отъ родственниковъ и знакомыхъ. Въ другомъ своемъ завѣщаніи, въ добавокъ ко всему перечисленному въ первомъ, поименованы имъ еще семнадцать новыхъ селеній, о которыхъ и прямо упомянуто въ завѣщаніи,—которое село у кого было имъ куплено или вымѣнено. При такомъ богатствѣ, составлявшемъ его личное имущество,—велики были и княжескія владѣнія Іоанна: извѣстно, напримѣръ, что при назначеніи его великимъ княземъ, ему данъ былъ ханомъ Нижній-Новгородъ и удѣлы въ Кост-

ромѣ. Ведя счеты съ прочими князьями по сбору дани и самъ отвѣчая передъ ханомъ за скорый и полный взносъ, разумѣется, ему приходилось выручать неисправныхъ плательщиковъ, и многіе изъ такихъ князей становились его неоплатными должниками, а всѣ князья безъ исключенія—болѣе или менѣе зависившими отъ него и нуждавшимися въ его покровительствѣ. Не стѣсняясь ропотомъ бояръ новгородскихъ, онъ и въ тамошнихъ владѣніяхъ постоянно скупалъ села и заводилъ цѣлыя слободы. Такъ, простирая власть изъ своей столицы всюду на правахъ великаго князя, коимъ онъ сумѣлъ вновь придать подобающее значеніе, онъ, кромѣ того, во всѣхъ областяхъ до дальняго Галича Мерянскаго и Бѣлозерскихъ мѣстъ былъ силенъ собственными вотчинами своими, захватывавшими цѣлые города и уѣзды, а кое-гдѣ пересѣкавшими и пронизывавшими и чужія области прочихъ князей. Вездѣ распространялось его вліяніе и всюду утверждалась зависимость отъ него. Его возраставшее могущество сказывалось во всѣхъ областяхъ —ближнихъ и дальнихъ, и вездѣ одинаково благотворное. Повсюду съ водворившейся тишиной водворялся и порядокъ: затихали докучавшія всѣмъ смуты и усобицы «сами на себя воевавшихъ» князей;.. неурядица-удѣльщина, какъ ее называлъ народъ, прекращалась.

Вопросъ цѣлыхъ народонаселеній, составлявшихъ «Великую Русь» Всеволода Большое-Гнѣздо, смущавшій ихъ по раздробленіи Владимірскаго княжества на разрознившіяся части—*какой же, наконецъ, князь сыщется всѣхъ сильнѣе, чья столица могла бы стянуть къ себѣ, какъ къ сердцу, отчуждившіяся не по ихъ винѣ другъ отъ друга здѣшніе города и населенія*, —этотъ, можно сказать, народный вопросъ былъ теперь рѣшенъ, казалось, самъ собою. При внезапномъ возвышеніи Ивана Даниловича надъ всѣми князьями и явномъ преимуществѣ его московскаго княжества надъ всѣми прочими, самъ онъ и казался уже всему народу такимъ желаннымъ княземъ, а его стольный городъ – желанною для всѣхъ столицей.

Но, несмотря на то, что въ немъ видѣли желаннаго князя, чья столица, какъ сердце, оживляла собою окружавшія области и притягивала къ себѣ окрестныя населенія, самъ онъ лично не пользовался сочувствіемъ въ народѣ; къ нему, именно, сердце не лежало ни у кого.

Отъ Александрова внука и Даніилова сына, знать, весь русскій народъ считалъ себя въ правѣ требовать больше, чѣмъ исполненія одного того, что и язычникі творятъ. Драгоцѣнно было и благодѣтельно для народа то общее благо, о которомъ, повидимому, такъ заботился и которому такъ усердно служилъ Іоаннъ: но не получилъ себѣ за то отъ народа благодарственной памяти ни у современниковъ, ни въ потомствѣ,—какъ и вообще не благодарятъ за тѣ добрыя дѣла, кои благодѣтель содѣлываетъ *себѣ на умъ*, и не забывая себя».

Да, Іоаннъ *потрудился за себя и за весь родъ свой*,— это правда, но онъ въ то же время и именно *такимъ путемъ* потрудился для всей Руси, подготовляя ея объединеніе и чрезъ то ея усиленіе, безъ котораго невозможно было бы и свобожденіе ея отъ татарскаго ига. Этого не понимали его современники; раздѣлить же свою думу онъ ни съ кѣмъ не могъ, безъ риска быть выданнымъ хану и погубить все дѣло.

Иванъ Даниловичъ умеръ 31 марта 1340 г., имѣя отъ роду около 50 лѣтъ.

Хотя онъ скончался и преждевременно, нежданною для всѣхъ кончиной, но успѣлъ принять схиму, постригшись у Спаса-на-бору, въ своемъ любимомъ Спасскомъ монастырѣ, и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, имъ самимъ построенномъ; здѣсь его гробница открыла собою длинный рядъ и цѣлые ряды послѣдовавшихъ затѣмъ гробницъ Государей Московскихъ, его потомковъ: Архангельскій соборъ и сдѣлался усыпальницей всего ихъ княжескаго рода. *)

*) Н. М. Павлова Русская исторія.... Т. III.

2015077181